

воспользуюсь случаем подтвердить заключения В. Ф. Миловидова своими впечатлениями, полученными во время экспедиционных работ Ин-та этнографии АН СССР в Пермской области в феврале — марте 1981 года. В Чердынском районе я встретила несколько семей «бегунов». Характерно, что верующие, даже старые люди, живущие в кругу «мирских» не стремятся перейти в категорию «истинно-православных», так как им пришлось бы отказаться от общения с людьми, от радио, телевидения и целиком посвятить свою жизнь молитвам и постам, а это их уже не привлекает.

В книге делается обоснованный вывод о том, что крах старообрядческой идеологии, отказ от традиционной замкнутости, фанатизма и консерватизма приводит не только к секуляризации этого религиозного направления, но и к утрате им своей специфики. Между реформированным (официальным) православием и старообрядчеством в целом никогда не было каких-либо догматических различий, а расхождения в области обрядовой практики были несущественными. С постепенной утратой старообрядчеством религиозной специфики связан и наметившийся процесс сближения старообрядцев с русской православной церковью. Во многих городах и населенных пунктах страны стало обычным посещение старообрядцами православных церквей, нередко с целью совершить в них некоторые обряды; православные, в свою очередь, посещают старообрядческие храмы. Подобное явление наблюдается в Одессе, Иванове, Ржеве, Горьком, Ставрополе, Кисловодске, Эссентуках, Улан-Удэ и других городах. В определенной степени оно вызвано решением поместного собора русской православной церкви 1971 г. «снять клятвы», наложенные в 1656 и 1667 гг. на «старые обряды». Однако процесс сближения старообрядчества с православием, как правильно отмечает автор, протекает очень сложно и противоречиво.

Книга В. Ф. Миловидова — первая монография, в которой дана всесторонняя характеристика современного состояния старообрядчества. Автор убедительно и глубоко вскрывает наиболее интересные и характерные признаки кризиса современного старообрядчества, выявляет главные тенденции в его эволюции. В. Ф. Миловидову свойственны лаконизм, умение сжато излагать суть дела, выбирать наиболее выразительные и существенные детали, избегать описательности, но последнее далеко не всегда оправдывает себя. Рецензируемая книга по существу представляет собой единственную обобщающую работу о современном состоянии старообрядчества в СССР, поэтому хотелось бы, чтобы текст был больше насыщен конкретным фактическим материалом, например, небольшими отрывками из труднодоступных и разрозненных публикаций. Желательно также, чтобы все приводимые автором данные были датированы. Так, на с. 69—70 помещены высказывания старика из заволжской деревни, но неясно, какой период характеризуется этим материалом. На с. 76 автор пишет о сделанных им наблюдениях в поселках Сизим и Эржей (Горная Тува) не указывая, в каком году это было.

Однако эти замечания не могут снизить общей высокой оценки книги. Большим достоинством работы В. Ф. Миловидова является то, что она предназначена не только для специалистов. Написанная легким и простым языком, она вполне доступна широкому кругу читателей и таким образом является научным исследованием, которое вносит свой вклад в важное дело атеистического воспитания трудящихся.

И. А. Кремлева

Л. Х. Феоктистова. Земледелие у эстонцев. XVIII — начало XX в. Система и техника. М.: Наука, 1980. 191 с.

Книга Л. Х. Феоктистовой восполняет пробел в изучении земледелия, главной отрасли хозяйства эстонского народа в период феодализма. Следует отметить, что история земледелия двух соседних прибалтийских народов уже давно рассмотрена в монографических трудах П. Дундулене и И. Лейнесаре. Отсутствие исследований по технике земледелия затрудняло изучение аграрных отношений в Эстонии.

Положительной стороной рецензируемой работы является широкое привлечение всех видов этнографических источников, а также результатов исследований как этнографов, так и представителей смежных дисциплин — археологов, историков, языковедов. Это позволило автору рассматривать изучаемые явления не только в развитии, но и в разных аспектах и, таким образом, создать своего рода «стереоскопическое» представление о предмете. Монография еще больше выиграла бы, если бы в ней были использованы неопубликованные письменные источники — наследственные дела волостных судов и правлений и протоколы Лифляндского экономического общества (ЦГИА ЭССР, ф. 1185 и др.).

Благодаря многолетней работе над картами по орудиям земледелия эстонцев для Историко-этнографического атласа Прибалтики Л. Х. Феоктистова получила богатый фактический (в том числе цифровой) материал о типах и ареалах орудий труда в Эстонии, а также сравнительные данные по земледельческим орудиям других прибалтий-

¹ *Leinasare I. Zemkopība un zemkopības darba rīki Latvija klausu saimniecības sairuma laikā. Rīga. Latvijas PSR Zinātnu akadēmijas izdevniecība, 1962. 168 lpp.; Dunduliené P. Zemdirbystē Lietuvoje (Nuo seniausių laikų iki metų).—In: Lietuvos TSR Aukštųjų mokyklų mokslo darbai. Istorija V. Vilnius, 1963, 275 p.*

ских народов. Поэтому выводы рецензируемой книги значительно более обоснованы, чем выводы упомянутых латышских и литовских исследований, опубликованных до окончания работы над атласом.

Автор широко привлекает сравнительный материал по аграрной истории народов, близких эстонцам этнически, территориально или по социально-экономическому уровню. Земледелие у эстонцев рассматривается в контексте общих закономерностей, что исключает возможность говорить об особом пути развития в Эстонии этой отрасли хозяйства. Эстонские советские историки достигли крупных успехов в изучении аграрной истории, тем не менее ряд оценок, данных их трудам и отдельным выводам в рецензируемой книге, надо считать несколько преувеличенными (с. 38, 39, 42, 108 и др.), тем более, что они иногда относятся к еще не устоявшимся положениям отдельных авторов.

Положительной оценки заслуживает и широкое привлечение терминологии изучаемых явлений не только на эстонском, но и на немецком, шведском, финском и других угро-финских языках. Однако рецензент, не будучи специалистом в области этимологии названий, тем не менее склонен считать, что эстонское название мыка (*äes, ägel, ägli*) заимствовано не от балтских слов (*ecešas, akecios*, с. 89), а связано с латышским названием елки (*egli*).

Характерной особенностью труда Л. Х. Феоктистовой является насыщенность обобщениями. В связи с небольшим объемом работы это достигается за счет сильного сокращения фактического материала, что, однако, не всегда идет на пользу изложению.

Рецензируемая книга содержит ряд новых положений, которые впредь следует учитывать всем исследователям феодальной истории Эстонии и соседних стран. Это, прежде всего, заключение автора об эволюции в разных областях Эстонии основных типов древнейшего пахотного орудия Прибалтики — рала, а также сохи. Выводы Л. Х. Феоктистовой о возможном распространении рала у прибалтийских финнов в первой половине I тысячелетия н. э. и смене его в XII—XIV вв. сохой с полицей (с. 63, 64, 87), сделанные на основе тщательного изучения этнографического материала, а также археологических и этнографических исследований, весьма существенны. Весьма важны эти выводы и для ученых, занимающихся аграрной историей, тем более, что автор допускает замену в определенных условиях более развитых форм орудий земледелия менее развитыми (превращение подошвенного рала в бесподошвенное) в связи со сменной тягловой силы волов на тягловую силу лошадей (с. 88).

Следует отметить плодотворность вывода автора об одновременном сосуществовании отсталых и более развитых форм пахотных и других сельскохозяйственных орудий (с. 170 и др.), которые при новой системе земледелия и в новых социально-экономических условиях приобретали иные функции.

Как известно, длительное бытование традиционной земледельческой техники объясняется прежде всего социально-экономическими и природными факторами, а также состоянием тягловой силы. Поэтому неудачными представляются попытки некоторых специалистов по аграрной истории доказать преобладание феодальных отношений во второй половине XIX в. путем подсчета числа употреблявшихся сох и плугов.

Весьма обоснованным выглядит выдвинутое во введении положение о необходимости изучать не отдельные орудия труда, как это нередко делают этнографы, а комплексы орудий (с. 3). В книге оно реализовано, к сожалению, недостаточно. Это тем более досадно, что развитие этого положения могло положить начало новому направлению этнографических исследований.

Как и во всех этнографических трудах, особенно советских, в рецензируемой книге большое место уделяется влиянию земледельческой техники русских, финнов, шведов, латышей и других соседних народов на эстонские земледельческие орудия. Как правильно указывает автор, основные земледельческие орудия у соседних народов Северной и Восточной Европы имеют сходные формы (с. 4). Однако досадно, что после прочтения книги читатель не получает ответа на закономерный вопрос — что же нового, собственного внес эстонский народ в течение почти тысячелетнего периода существования феодальной формации в орудия главной отрасли народного производства? На востоке Эстонии — русское влияние, на севере — финское, а какова же роль эстонского народа в развитии земледельческих орудий? (с. 90 и др.). Читатель-марксист, убежденный в творческих силах народа, видимо, вправе ожидать ответа и на этот вопрос.

Ряд положений книги вызывает сомнения. Нельзя согласиться с тем, что осушение полей до второй половины XIX в. велось только в мезных хозяйствах (с. 41, 42). В XIX в. началось применение закрытого дренажа глиняными трубами; без дренажа полей (о дренаже посевов неоднократно говорит и сам автор, с. 114 и др.) паровая система земледелия в Прибалтике, во всяком случае, не могла существовать. Недостаточно убедительно обоснованы автором причины применения волов в качестве тягловой силы (с. 42, 43).

Книга хорошо иллюстрирована обобщающими картами, содержащими большую научную информацию, а также документальными фотографиями и рисунками. Однако хотелось бы лучшего источниковедческого обоснования этих двух групп изобразительного материала (ссылками на архивы и этнографические коллекции).

После опубликования монографического исследования всегда остаются проблемы, требующие своего разрешения. Во введении сказано, что главный источник исследования — этнографические материалы — относится в основном к концу XVIII — началу

XX в., «когда сельскохозяйственные орудия были уже довольно усовершенствованы» (с. 3). Но в чем выражалось это усовершенствование и по сравнению с чем — в книге не раскрыто.

Автор исследует не только типичную сельскохозяйственную технику периода разложения феодализма, но по этнографическому материалу более позднего периода ретроспективно анализирует сельскохозяйственные орудия более ранних этапов феодализма с Эстонии. Л. Х. Феоктистова, к сожалению, не пытается объяснить, когда, в какой степени это допустимо и как она сама использует новый этнографический материал для ретроспективной реконструкции сельскохозяйственной техники более раннего периода. Это тем более досадно, что эстонской сельскохозяйственной технике второй половины XIX — начала XX в.— периоду, к которому хронологически прямо относится большая часть этнографического материала, в книге уделено меньше места (с. 140—170), чем сельскохозяйственным орудиям более раннего периода.

В целом книга Л. Х. Феоктистовой является крупным научным достижением и необходимой работой для каждого исследователя, который занимается этнографией и аграрной историей Прибалтики. Поэтому желательно работу издать и на эстонском языке, быть может, расширив описательный материал.

Х. П. Спродс

А. Д. Грач. Древние кочевники в центре Азии*. М.: Наука, 1980. 256 с.

Территория Тувинской Автономной Республики не является белым пятном на археологической и этнографической картах Советского Союза. Проведенные в конце 1920-х годов раскопки С. А. Теплоухова дали первый и достаточно богатый археологический материал, позволивший ориентироваться в последовательности археологических этапов на территории Тувы и составить предварительное представление о конкретном историческом содержании каждого из них. В дальнейшем разведки и раскопки С. Н. Астахова, С. И. Вайнштейна, А. Д. Грача, М. П. Грязнова, В. П. Дьяконовой, Л. А. Евтюховой, С. В. Киселева, Л. Р. Кызласова, М. Х. Маннай-оола и других исследователей дали возможность разработать археологическую периодизацию, начиная с эпохи палеолита и кончая поздним средневековьем (наиболее дробная периодизация принадлежит Л. Р. Кызласову), и сопоставив ее с результатами изучения письменных источников, восстановить основные исторические события на территории Тувы.

При исследовании этнографии тувинцев большое внимание уделялось этногенетическим аспектам, и поэтому итоги этнографических работ непосредственно смыкаются с результатами интерпретации позднесредневековых археологических памятников. Монографии С. И. Вайнштейна, В. П. Дьяконовой и Л. П. Потапова внесли весомый вклад не только в наше знание тувинской народной культуры, но и в наше понимание процесса формирования тувинского народа.

Однако даже на этом фоне достаточно хорошей изученности археологии и этнографии тувинцев новая монографическая работа А. Д. Грача читается с исключительным интересом. Это объясняется рядом обстоятельств. А. Д. Грач на протяжении многих лет вел раскопки на территории Тувы, открыв и исследовав памятники разных эпох. Его раскопки дали разнообразный археологический материал, неоднократно привлекавший к себе всеобщее внимание на всесоюзных археологических и этнографических сессиях, однако долгие годы он был известен специалистам лишь по предварительным сообщениям. Основные раскопки проводились А. Д. Грачом в труднодоступных западных районах Тувы, отличавшихся культурным своеобразием. Наконец, интерпретация результатов археологических раскопок всегда проводилась им с широким привлечением этнографических аналогий как из Тувы, так и из Центральноазиатского района в целом, что придает его работам значительный этногенетический интерес.

Значение новой книги А. Д. Грача прежде всего в том, что она представляет собою очень подробную публикацию собранных им археологических материалов скифского времени в западной Туве. Книга не перегружена описаниями. Автор дает только краткую характеристику основных типов вещей, сами же вещи представлены в фотографиях и отличных рисунках на многочисленных таблицах, составляющих половину объема издания. К сожалению, качество фотографий в ряде случаев оставляет желать лучшего, но это вина не автора, а издательства. Приведены планы раскопанных курганов, тщательные зарисовки каменных насыпок и деревянных погребальных сооружений в курганах, стратиграфические профили. В специальные таблицы сведены результаты измерений курганов в полевых условиях. Хорошим дополнением к таблицам с изображением вещей является четкая опись всех раскопанных комплексов, что дает возможность увязать особенности погребения с обнаруженным в нем инвентарем. (Эта операция, составляющая со времен О. Монтелиуса основу археологического анализа, далеко не всегда, к сожалению, осуществима из-за суммарного описания во многих археоло-

* Во время подготовки рецензии к печати Александр Данилович Грач скончался в полном расцвете своей творческой деятельности. Это был крупный историк и археолог, неутомимый и увлеченный исследователь Древней Сибири, перу которого принадлежит много работ.